

Губы мужчины все еще хранили сладость вина; это был не просто поцелуй соприкосновением губ. Он нагло просунул язык внутрь, и Юн Цзинь, казалось, оцепенел, широко раскрыв глаза, напрягшись всем телом, не двигаясь. Сяо Чэнь уже благоразумно отвернулся вперед, не глядя; он только слышал, как пьяный человек сзади требовал от генерал-майора Юна открыть рот, его слова были легкомысленны, временами он тихо смеялся.

Юн Цзинь очнулся, только почувствовав, как его губы Someone sucking. Он резко оттолкнул того, и тот, как тряпка, откинулся назад и, неожиданно, снова уснул. Юн Цзинь достал носовой платок, прижал его ко рту, его лицо выражало странное чувство. Спустя долгое время он глухо отдал приказ:

— Сяо Чэнь, выбрось его из машины.

Сяо Чэнь получил приказ и вышел, вытащив человека из заднего сиденья; на землю он его не бросил, а огляделся по сторонам и усадил на ступеньки магазина, прислонив к стене. Генерал-майор Юн тоже вышел из машины, не бросив ни одного взгляда в сторону того человека, а лишь попросил у Сяо Чэня сигарету и в темноте выпускал клубы белого дыма. Но, несмотря на крепкий запах табака, вкус вина на губах не исчезал.

Друг поспешил подойти; из-за спешки несколько прядей с его аккуратно уложенных волос растрепались, и на лбу выступил тонкий слой пота. На душе у Юн Цзиня было беспокойно, но, видя друга в таком состоянии, он не хотел ссориться, просто рассказал о случившемся и отпустил его. Перед тем как уйти, человек, прислонившийся к стене, издал какие-то звуки. Тот скатился со ступенек, вероятно, ушибшись, и, лежа на земле, тихо простонал от боли.

Друг был хозяином банкета, а тот — гостем. Поэтому он прищурился и вдруг воскликнул:

— Это же молодой господин Чжоу!

Юн Цзинь с холодным лицом, видя, как друг хочет позвать кого-то, чтобы помочь этому молодому господину Чжоу вернуться, неожиданно вмешался:

— погоди, я сам отвезу его.

Друг не знал, когда генерал Юн подружился с этим молодым господином Чжоу, но не стал спрашивать слишком много и ушел.

Юн Цзинь, конечно, не собирался его отвезти; он с холодным лицом сел в машину, приказал Сяо Чэню ехать, не взглянув на человека на земле. Машина проехала несколько минут, когда Сяо Чэнь услышал, как сзади генерал-майор заговорил:

— Вернись.

Он служил генерал-майору много лет и, конечно, понимал, куда возвращаться, поэтому развернулся и приехал обратно на место, где молодой господин Чжоу все еще лежал на земле.

Без приказа Сяо Чэнь не смел спускаться и помогать по своей инициативе. Он видел только то, как Юн Цзинь медленно опустил стекло и, выкурив еще одну сигарету, неожиданно сам открыл дверь и вышел из машины. Никто не знал, о чем он думал; Сяо Чэнь мог видеть лишь то, что происходило перед его глазами.

Генерал-майор медленно подошел к тому человеку и поднял его с земли. Неизвестно, проснулся ли молодой господин Чжоу, но генерал-майор не сразу вернулся в машину; когда же

Сяо Чэнь посмотрел снова, то увидел, что эти двое какое-то время боролись на месте, а потом снова принялись целоваться. В этот раз генерал-майор, казалось, снова был вынужден, так как его руки держали талию молодого господина Чжоу, а руки молодого господина Чжоу крепко обнимали шею генерал-майора Юна.

Сяо Чэнь больше не смел смотреть, он смотрел только перед собой, ожидая, когда генерал-майор Юн вернет человека в машину, и не решался обернуться. Он лишь слышал непрекращающиеся звуки поцелуев; в основном генерал-майор говорил: «Не подходи», «Не двигайся», но, судя по шелесту одежды, поцелуи возобновлялись. Генерал-майор среди разговора нашел время сказать, чтобы ехали на виллу, а не в особняк.

Как добросовестный адъютант, Сяо Чэнь старался не слышать и не видеть, и после того, как отвез генерал-майора и молодого господина Чжоу на виллу, спросил, нужно ли помочь поднять человека. Получив отказ, он остался в машине и наблюдал, как генерал-майор ведет его внутрь. Генерал-майор не поддерживал его, а довольно грубо тащил за лацканы пиджака. Но не успели они сделать и двух шагов, как молодой господин Чжоу обеими руками обхватил талию генерал-майора; Сяо Чэнь видел, как молодой господин Чжоу постоянно трогал генерал-майора. Сидя в машине, Сяо Чэнь испытывал сложные чувства; глядя на смеющееся лицо молодого господина Чжоу, он подумал: «Этот молодой господин Чжоу... действительно бесстыден до крайности».

Когда этот молодой господин Чжоу снова появился, прошел уже год. Адъютант Сяо Чэнь не был уверен, что именно произошло той ночью, он только знал, что между ними больше ничего не было. Однако позже генерал-майор Юн стал чаще посещать банкеты, и каждый раз, возвращаясь, выглядел не очень хорошо. Со временем он снова стал прежним холодным и перестал ездить на приемы.

Переплетения между Юн Цзинем и Чжоу Цзюнем, вероятно, были известны Сяо Чэню даже лучше, чем самому Чжоу Цзюню. После того как Юн Цзинь бросил ту фразу о годичной давности, он грубо схватил его за волосы, жестоко растревая ему рот. Когда наконец он кончил, Чжоу Цзюнь, полный рта этой мутной жидкости, откинулся назад с покрасневшим лицом.

Его губы онемели; он на ощупь нашел платок и выплюнул все на него. Господин Юн с бесстрастным лицом встал одеваться, элегантно застегивая запонки. Чжоу Цзюнь поднял свои покрасневшие глаза: он хотел объяснить, хотел услышать объяснения. Он не понимал, что случилось на банкете год назад; в том году он участвовал в слишком многих банкетах.

В основном он был так пьян, что ничего не помнил, а однажды даже проснулся в парке, с полностью обчищенными карманами. Теперь генерал-майор Юн перевернул все с ног на голову, утверждая, что это он начал первым, что вызывало у Чжоу Цзюня и чувство обиды, и некоторую тревогу. Неужели он действительно сделал что-то Юн Цзиню? Но даже в пьяном виде он не мог бы спутать мужчину с женщиной.

Тем более такого мужчину, как Юн Цзинь. Подумав об этом, он посмотрел на Юн Цзиня, который с тех пор, как произнес ту фразу, больше не открывал рта. У того были напряженно сжаты губы, а во взгляде сквозила холодность. Лунный свет не смягчил его черты ни на йоту; Юн Цзинь стоял спиной к свету, отвернувшись, словно больше не желая на него смотреть. Кожаные туфли ступали по ковру; он прошел мимо него, не оставив ни слова объяснения, и так ушел.

Чжоу Цзюнь все еще сидел на полу; чем больше он думал, тем больше злился, а чем больше

злился, тем сильнее раздражался. Гнев жег его, вызывая сухость во рту, а во рту все еще оставался вкус того мужчины. Он стиснул зубы, на ощупь достал из тумбочки бутылку красного вина и залпом выпил полбутылки. Поставив бутылку, он вытер рот: он правда не мог вспомнить, что случилось год назад.

И хотя он считал, что не мог перепутать мужчину с женщиной, насчет генерал-майора Юна это было не так уж очевидно. Он знал, как сильно этот мужчина притягивал его. Тогда он был в таком жалком положении, пойманный на измене самим мужчиной. Перед окном, за окном — Юн Цзинь с гневом и глазами, в которых горел огонь. Если бы не его жизнь была под угрозой, если бы он не знал, что его нельзя поймать, он, вероятно, действительно не смог бы убежать и остался бы на месте из-за генерал-майора Юна.

Он допил бутылку вина залпом и отрыгнул. Только тогда Чжоу Цзюнь, опираясь на пол, встал и, шатаясь, подбежал к окну, чтобы выглянуть вниз. Хотя он знал, что Юн Цзинь уже ушел, он не удержался, подбежал к окну и громко крикнул:

— Ублюдок, кто тебе такой нужен!

Едва выкрикнув это, он осекся. Пьяные глаза широко распахнулись; и похмелье, и гнев были мгновенно испуганы. Юн Цзинь еще не ушел: он стоял у машины, выкурив уже множество сигарет. Крик сверху заставил генерал-майора Юна поднять голову; их взгляды встретились как раз с головой Чжоу Цзюня, высунувшейся из окна. Чжоу Цзюнь почувствовал, как его щеки горят, и легкий ночной бриз не мог остудить этот жар.

Он приоткрыл рот, не зная, что сказать. Он думал, что его не должно быть видно, но почему-то чувствовал, как напряжение в Юн Цзине спало за один миг. Словно он упустил то, что не должен был упускать, но Чжоу Цзюнь не понимал, что именно. Не в силах ухватить или понять, он чувствовал крайнее раздражение.

Он хотел что-то сказать, но увидел, как тот, не оборачиваясь, нырнул в машину; на этот раз он действительно уехал: машина поехала прямо по улице, повернула за угол и окончательно скрылась, словно ее больше нельзя было догнать.

Не стоило бежать вниз, думал он. Но когда он пришел в себя, он уже спустился на два этажа, босиком на одну ногу. Стопа была в саже, маленькое окно в лестничной клетке было похоже на черную дыру, оставляя лишь кусочек света на его подъеме. Чжоу Цзюнь опирался на стену, смотрел на свет на ноге и долго стоял в замешательстве, прежде чем глубоко вздохнуть. Он развернулся и пошел обратно.

Поднимаясь по ступеням, он вспоминал кадр за кадром. Он думал, откуда он узнал о Юн Цзине. Наверное, на каком-то банкете, когда он держал бокал и шутил с кем-то, другой человек указал издали на Юн Цзиня и, словно рассказывая секрет, тихо сказал ему:

— Тот, сын генерал-губернатора Юна, Юн Цзинь.

Возможно, услышав это представление, он тогда и повторял имя Юн Цзиня во рту. И посмотрел на того человека несколько раз, но не воспринял всерьез. Словно увидел дорожную картину: позволив художнику оставить на бумаге тот захватывающий штрих, какой прекрасный, он лишь любовался, тихо пряча в сердце, чтобы однажды, встретившись снова, картина с густым потрясением ворвалась ему в глаза, и только тогда он понял, какова ее мощь.